

«ОТДЫХ С ПРИКЛЮЧЕНИЯМИ» НА СТАЛИНСКОЙ ДАЧЕ

Корреспондент западногерманской газеты «Франкфуртер альгемайне цайтунг» Ганс-Петер Ризе опубликовал под этим заголовком на ее страницах нижеследующий материал, который мы приводим с некоторыми сокращениями.

Редактор отдела науки газеты «Правда» Владимир Губарев может, вероятно, считаться советским драматургом, пользующимся наибольшим успехом. Пьесу «Саркофаг» о событиях, связанных с чернобыльской катастрофой, ставят уже в 50 странах мира — от Австралии до ФРГ, последняя ее премьера, на которой присутствовал и сам драматург, состоялась в Принстоне, США.

Пьеса «Саркофаг» сделала ее автора почти символической фигурой гласности, новой политики открытости в средствах массовой информации, которой он остается верным и за границей, достойно представляя ее. Этот пользующийся большим успехом автор не является диссидентом, но вот уже более двадцати лет знаком с Андреем Сахаровым и всегда был неизменно высокого мнения о нем; он был единственным журналистом, осветившим обстоятельства в связи с трагическим самоубийством Валерия Легасова, ведущего физика-атомщика СССР, пережившего после Чернобыля тяжкий конфликт с собственной совестью.

Пьесы Губарева — это документальный театр, они не являют собой каких-либо новых

литературных высот, но написаны с четким пониманием специфики сценического воздействия и актуальной политической ситуации. Автор не проявляет и какой-либо особенной фантазии: то, о чем он пишет, драматург пережил сам или узнал в ходе своей журналистской деятельности. В основе его последней — пятой — пьесы также лежит реальное событие. В свое время Губареву довелось побывать на даче Сталина в Грузии. Все сохранило там свой прежний облик — этакое мрачного монумента временам репрессий. «И все же, — вспоминает Губарев, — это была всего лишь дача, одна из тех, на которых и по сию пору отдыхает элита». В результате этого впечатления и возник литературный замысел. Сталинская дача становится домом отдыха для руководящих кругов, здесь предлагают некую изразченную форму отпуска — «с приключениями».

На даче встречаются три «типичные» пары «нового класса». Писатель, с первых слов явный конъюнктурщик, использующий перестройку для того, чтобы продлить свои ставшие привычными вожди по свету. Его жена восторгается Нью-Хейвеном, поясняя высокомерно своим привилегированным собеседникам — да и публике тоже — «это, знаете ли, под Нью-Йорком».

Руководящий работник, функционер, с трудом одолевший последний поворот к политике реформ. Губарев говорит о нем: «Все. Конец. В резерве, а значит, следующий шаг — пенсия».

И, наконец, молодой спортсмен, вероятно, сын какого-нибудь руководителя, который с легкостью относится к жизни и может позволить себе это.

Три пары выбирают в качестве места отдыха сталинскую дачу, желая испытать нечто особенное, способное пощекотать им нервы. Даже обслуживающий персонал здесь помнит ЕГО. Никто не упоминает имени Сталина, но его длинная историческая тень незримо лежит на обманчивой идиллии отдыхающих.

Под влиянием отпускного настроения и паров алкоголя на сцене разворачивается нечто вроде игры в правду. Персонажи обмениваются колкостями, ставят в вину друг другу мнимые или действительные привилегии или же хвастаются оными. Писатель Костин обнаруживает себя законченным, полностью аморальным циником, интересы которого ограничиваются женщинами, алкоголем и западным ширпотребом. Функционер Бадьин превращается из самоуверенного коммуниста в глубоко оскорбленного человека, колеблющегося между идеологической дисциплиной и полным непониманием нового времени. Молодой спортсмен Виктор не участвует в их спорах, принимающих все более интимный характер, у него нет идеалов, и потому он не может разочароваться в них; он просто принимает настоящее как данность.

Сам дом же с его прошлым, будящий воспоминания об ужасах террора, постепенно все больше напоминает тюрьму, как будто бы с его стен сходит призрак диктатора. Когда

со старым садовником случается сердечный приступ, что-то сдвигается в разуме хозяйки дачи, и в старике она вдруг узнает ЕГО — конец игре, имя названо, и все осознают, что не смогли уйти от этого прошлого и что отважились на смертельно опасную поездку.

«Нет уже человека, а страх остался», — признает Карина, жена функционера. Виктор, казавшийся необремененным грузом прошлого, отбрасывает свою показную непричастность: «Страх живет с детства. Ведь я даже его портретов не видел. Один раз издалека, на ветровом стекле машины. А сейчас сразу же узнал, точнее — подумал, он пришел! Сам! Души усопших бродят по земле...» Бадьин пытается как-то реально осмыслить ситуацию, обращается к жене: «Опять со своей мистикой? Один подсиживает, другой — не так смотрит, у третьего — особое предчувствие, а сейчас — призраки. Из прошлого». Но прошлое еще не ушло, оно реально, и Виктор высказывает то, что всем давно известно: «Почему же из прошлого? Мы живем на даче Сталина, а значит, он вокруг — в этих стенах, диванах, окнах... А может быть, мы всегда живем на его даче?»

Есть ли выход из этой тюрьмы истории? Губарев остерегается давать ответ. Он оставляет отдыхающим — а также и публике — право самим ответить на сей вопрос. Вопрос, заданный драматургом в постановке, которая, как и «Саркофаг», впервые состоялась в провинции — на этот раз в Кинешме на Волге.

Сов. культура. — 1989. — 17 июня — с. 9